

Оливия
БОНД

Любовь
ПО-СИБИРСКИ
СОГРЕЙ И ЗАЩИТИ

18+

Оливия Бонд

Любовь по-сибирски.

Согрей и защити

<https://litres.ru/74586182>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Ты ведь понимаешь, кто я, Марк? За мной придут люди Черкизова.

Марка лишь забавляет моя паника.

Усмехается и пожимает плечами, не сводя с меня темного, поглощающего взгляда.

- Пусть приходят, маленькая. Моя тайга - мои правила.

Качаю головой и боюсь представить, что случится если за мной действительно явятся люди моего бывшего.

Рискнуть всем и сбежать в глухую сибирскую тайгу от человека, который превратил мою жизнь в персональный ад? Безумие. Но для меня это стало единственным билетом на свободу. Теперь я заперта в стенах таежной крепости Марка Громова. Мужчины, который внешне напоминает сурового хозяина этих лесов, а внутри прячет давнюю тайну.

Связанную и с моим прошлым.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2.	10
Глава 3.	18
Глава 4.	26
Глава 5.	36
Глава 6.	45
Глава 7.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Оливия Бонд

Любовь по-сибирски.

Согрей и защити

Глава 1

МАРК

Дождь идёт третьи сутки.

Мелкий, нудный, осенний – тот, что не стучит по крыше, а просачивается внутрь организма, занудно путает мысли. За окном – серое месиво из низкого неба и голых веток. Последние листья, жёлто-бурые, прилипли к стеклу, как мокрые бабочки, и я смотрю на них слишком долго.

Возможно, потому что не хочу смотреть на свой рабочий стол. И сталкиваться в очередной раз со старой проблемой.

На столе – папка. Толстая, с потрёпанными углами, которые я сам и затёр за эти месяцы. Внутри пачка фотографий. Я знаю каждую из них наизусть. Могу закрыть глаза и воспроизвести любую мельчайшую деталь – расположение тела, угол, под которым упал брат, пятно крови на асфальте, которое никто так и не удосужился замывать потом. Когда все закончилось.

Никто.

Кроме меня.

Откидываюсь на спинку кресла. Кожа скрипит. В доме так тихо, что слышно, как капли дождя срываются с карниза и разбиваются о деревянную ступеньку крыльца. Долго и придирчиво выбирал специально именно этот поселок. Глухой, престижный, спрятанный в тайге так далеко от города, что сюда не доезжают даже любопытные.

Оценивал это место по картам и вживую. Минимум подъездных путей, тупиковая зона.

Здесь нет соседей.

Точнее, они есть – коттеджные дома в поселке заселены все, но людей не видно и не слышно. Да и случайного соседства нет. За глухими заборами – первые лица политической и деловой элиты края. Идеальное место, чтобы сойти с ума в одиночестве. Но фишка в том, что как раз одиночество я люблю.

А вот толпы шумных людей не выношу на дух.

Брат был другим. Он был веселым балагуром, душой компании.

Беру со стола стакан. Виски давно выдохся — лёд растаял ещё час назад, и теперь в стекле плещется тёплая, горькая жижа. Всё равно пью. Горло обжигает, но это хоть что-то. Хоть какая-то острота в этом проклятом ноябре, который ещё даже не начался, а уже кажется вечностью.

За окном ветер срывает с берёзы последний лист. Он кружится, падает, липнет к мокрой земле. Медленно провожаю

его взглядом и снова возвращаюсь к папке.

Открываю. Перелистываю. С фотографий на меня смотрит братишка. Младший. Тот, кого я должен был защитить.

Не защитил.

Захлопываю папку с шумом. Так, что бумаги внутри шуршат, будто возмущаются. Встаю, подхожу к окну. Стекло холодное, почти ледяное. Прижимаюсь к нему лбом и смотрю в серую лесную муть за стеклом.

Тайга стоит стеной... Отличное место, чтобы держать оборону. Простреливается только один сектор, остальные закрыты глухим лесом

Почти уверен, кто это сделал. Знаю почти наверняка. Осталось доказать. И тогда я вернусь в город. И закончу всё. А потом – не знаю, может снова махну сюда. Или заберусь еще глубже в лес. С палаткой, зажигалкой и пачкой сухого горячего.

Но пока вынужден терпеть этот дождь, осень и одиночество.

Телефон на столе вибрирует. Смотрю на экран. Тимофей. Начальник моей службы безопасности. Уволился в звании майора, прошедший две горячие точки. Человек, которого я вытащил из дерьма и который теперь готов за меня в огонь. Тим звонит только по делу. И только тогда, когда есть что-то важное.

Принимаю вызов.

– Слушаю.

– Марк Львович, – голос ровный, но с паузой. Он всегда делает такую паузу перед тем, как сказать что-то, что ему не нравится, – есть дополнительная информация по Андрею.

Инстинктивно сжимаю телефон чуть сильнее. Дождь стучит по стеклу.

– Говори.

– Взял нашего старого знакомого под плотное наблюдение, как договаривались. Три смены, круглосуточно. Фиксируем каждый шаг.

– И?

Едва слышный вздох на том конце линии.

– И ничего конкретного. Следов нет. Люди у него опытные, работают чисто. Но...

Тим замолкает. Вслушиваюсь, как он дышит. Ровно, спокойно. Есть что-то в этом «но», что заставляет меня напрячься.

– Что «но», Тимофей?

– Поведение. Оно изменилось. Резко. За последние три дня.

Молча жду. Дождь не прекращается. Ясневый листок, прилипший к стеклу, дрожит и упорно держится за мутные струйки воды.

– Он начал суетиться, Марк Львович. Не прямо паника, в полном смысле слова, скорее нервозность. Суетливые поступки, нехарактерные. Сменил график. Отменил две встречи, которые готовил месяц. Усилил личную охрану – в два

раза, без объяснений. Сменил машину. Сменил маршруты. Вчера вечером выехал из офиса не через центральный вход, а через подземный паркинг, чего не делал никогда.

– Анализ? – нетерпеливо щелкаю пальцем по стакану с виски.

– Пока поверхностный. Но по опыту – так себя ведут, когда ждут удара. Или когда что-то потеряли. Что-то важное. Что-то, что может их сдать.

Молчу. Думаю. Тимофей тоже молчит. Явно обдумывает.

– То есть, у него серьезные проблемы, – говорю я медленно и на ходу обдумываю, – внутренние и явно неожиданные. Что-то пошло не по плану.

– Именно. И ещё одна деталь. В его окружении появился новый человек. Молодой, не из его обычного круга. Приезжал дважды. Уходил быстро. Личность пока не установлена.

– Установи.

– Принял. Работаем.

Вместо окончания разговора – пауза. Безошибочно ощущаю, как Тим затягивается сигаретой. Он курит только в двух случаях. Когда злится или когда понимает как что-то упускает. Сейчас, похоже, второе.

– Марк Львович, есть у меня ощущение. Пока не факт, просто... чуйка. Он что-то ищет. Что-то или кого-то. И ищет очень активно. Но так, чтоб никто не видел.

– Женщина?

Предполагаю вслух, как вариант. Во всех проблемах

обычно виноват кто-то из этих двоих – или деньги или женщины.

Тимофей хмыкает.

– Как вариант. Может, женщина. Может, документы. Может, флешка или файлы. Пока не могу сказать точнее. Но то, что он потерял контроль – это факт. А когда такие люди теряют контроль, они начинают ошибаться.

– Значит, нужно дать ему ошибиться. И быть рядом, когда он это сделает.

Делаю особый упор на последней фразе.

– Принял.

Звонок сбрасываю. Кладу телефон на стол. Смотрю в окно, тщетно пытаюсь сфокусироваться на разводах воды. Дождь не прекращается. Тайга молчит.

Значит, Андрей что-то потерял. Что-то, что заставило его нервничать. И если он нервничает – значит, у меня появился шанс.

Пока не знаю, что именно он ищет. Не знаю, кого.

Но я найду это первым.

Глава 2.

МАРК

После звонка Тимофея я ещё долго сижу в кресле. Погружаюсь в мысли, но толком ни до чего не могу докопаться. Просто смотрю в окно, на то, как дождь размывает очертания тайги. В голове вязкая, тягучая пустота. Та, что тяжело наваливается после разговора, который ничего не дал. Кроме злости.

Андрей нервничает. Что-то потерял. Важное, раз совершает множество нелепых, нехарактерных поступков.

Прокручиваю наш разговор с Тимофеем снова и снова. Как старую плёнку. Что можно потерять, чтобы отставной вояка, повидавший множество горячих точек, назвал это «потерей контроля»? Документы? Деньги? Компромат? Или что-то более личное?

И почему-то в голове упорно крутится какой-то женский образ.

Тимофей назвал это одним из вариантов.

Склонен с ним согласиться. Но я не верю в женщин. Не в этом контексте. Андрей – не тот тип, который будет сходиться с ума из-за юбки. Он расчётливый, холодный. Как и я. Такие, как мы, теряют голову только из-за угрозы. Реальной. Осязаемой.

Той, что может отправить за решётку или на дно.

Значит, то, что он потерял – это угроза, то что может его сдать или уничтожить.

Выхожу из кабинета. Иду по коридору. Дом большой, но пустой. Где-то на кухне горит свет. Там всегда горит свет – Зоя Сергеевна не выносит темноты. Говорит, что в темноте всякая дрянь мерещится. А ей, в её возрасте, такое точно не полезно.

Захожу на кухню. Зоя Сергеевна стоит у плиты. Невысокая, плотная, в своем любимом переднике с вышитыми пестухами. Подкрашенные, каштановые волосы собраны в аккуратный, строгий пучок. Она что-то помешивает в кастрюле. Пахнет тестом. И мясом. И травами.

Пахнет домом.

– Марк Львович, – оборачивается и всплескивает руками, – вот хорошо, что зашли. Как раз думала вас звать.

– Зоя, спасибо. Но я не голоден.

– Да кто ж спрашивает? – Зоя улыбается и морщинки вокруг глаз собираются в добрые лучики, – вот пельмешков налепила. Еще с ночи. Половину заморозила, половину уже сварила. И Пётр Ильич сегодня рыбу принёс. Свежую, только утром выловил. Я её с травами запекаю, как вы любите. С розмарином. И тимьяном.

– Зоюшка Сергеевна...

– И не спорьте, – она вытирает руки о передник, – вон осунулись весь. Похудели. Одни глаза остались. Ей-богу, как есть одни глаза.

Усмехаюсь и как-то теплеет на душе от ее ворчания. Впервые за день во мне что-то оттаивает. Зоя Сергеевна – единственный человек, которому я позволяю так со мной разговаривать. Потому что она знает меня с двадцати трех лет. Когда я был никем. Когда у меня не было ни денег, ни связей, ни будущего.

Только голодная злость и остервенелое желание доказать, что я чего-то стою.

Зоя Сергеевна тогда работала в захудалой заводской столовой, куда я ходил обедать. Всегда добавляла мне лишнюю ложку каши. Бесплатно. Говорила, что смотреть ей на меня больно. Что мне надо есть.

Потом появились деньги.

Столовую закрыли и Зою выгнали на улицу даже без выходного пособия. Просто уволили задним числом. И забрал её к себе. Вместе с мужем.

– Ладно, – сдаюсь я и вскидываю ладони в примирительном жесте, – только немного.

– Вот и славно.

Сажусь за стол. Кухня – это бесспорные владения Зои Сергеевны – большая и уютная, тёплая, с деревянными полками и пучками сушёных трав под потолком. Здесь всегда пахнет едой и домом.

Настоящим домом.

Не тем холодным особняком в городе, куда я приезжал только переночевать.

Дверь открывается. Входит Пётр Ильич. Пожилой, сухой, с седыми усами и мозолистыми руками. Он вытирает их тряпкой. Кивает мне.

Садится напротив. Зоя Сергеевна ставит перед нами тарелки. Пельмени – горячие, дымящиеся. Рыба – золотистая, с хрустящей корочкой, посыпанная травами. Запах просто сводит с ума.

– Ешьте, — командует Зоя Сергеевна, – и не смотрите на меня так. Я не отстану.

Пробую пельмень. Вкусно. Правда вкусно. Тесто тонкое, мясо сочное, с луком и перцем. Как в детстве. Хотя в моём детстве пельменей не было. Были просто макароны или крупа на воде. Вот только Зоя Сергеевна умеет готовить так, что кажется, будто ты это ел всегда.

Память на все горько мгновенно отшибает.

– Вкусно, Зоя Сергеевна. Спасибо.

Уже и не протестую, когда Зоюшка подкладывает мне добавку. От такой вкуснятины отказываться грешно, даже мысленно.

– Вы бы хотя бы на рыбалку сходили, Марк Львович, – не унимается Зоя Сергеевна, – с удочкой посидели бы утренней зорьки. Развеялись. А то всё в доме. Вон уже лица на вас нет.

– Есть дела здесь, – отвечаю и стараюсь не встречаться с ней взглядом.

Зоя Сергеевна вздыхает. Качает головой. Но не спорит. Есть границы, которые не переходит даже она. Просто тихо-

нечко остается при своем мнении.

– Дела-дела, – бормочет она и перекладывает остатки жареной рыбы в стеклянные контейнеры.

– Пойду я, – говорю, когда тарелка пустеет, – спасибо.

Встаю. Выхожу из кухни. Направляюсь в гостиную. Зоюшка Сергеевна права в одном, надо бы мне проветриться. Есть желание сорваться прямо сейчас в лес, немного переключиться. Кажется дом начинает давить, в четырех стенах мне в голову точно не придет ни единой свежей мысли.

Из раздумий выдергивает стук.

Слабый, но настойчивый. Как будто кто-то бьет в дверь мокрым кулаком.

Замираю и гашу сигарету, которую только что поджег, но еще не успел раскурить. Смотрю на дверь, борясь с удивлением. В этом поселке нет случайных людей. Сюда не забредают чужаки. Да и бдительная, вышколенная охрана на въезде никого не пропустит без моего ведома.

Бабки, которые я им отстегиваю, вполне позволяют мне надеяться на отсутствие неожиданных визитеров.

Стук снова повторяется. Громче и отчаянней, уже с каким-то обреченным надрывом.

Открываю дверь.

На пороге стоит девушка, промокшая до нитки. Волосы прилипли к красивому личику, на голове – насквозь промокший красный беретик. Куртка-жилетка тоненькая, осенняя, совершенно не по погоде.

Взгляд скользит ниже и залипает на стройных девичьих ножках, обтянутых мокрыми джинсами. Кроссовки все в налипшей грязи, совершенно не спасающие от слякоти.

Девчонке на вид года двадцать два. Вся дрожит и умоляюще смотрит на меня. На миг пропадаю в ее глазах – огромных, серо–голубых, пронизанных мольбой и паникой.

– Пожалуйста... – сиплый голос срывается в простуженную дрожь, – мне срочно нужна помощь. Пожалуйста впусти меня, я не знаю, куда идти.

Первая мысль – девочка – наживка. Врагов давно хватает, в том числе и неплохо знающих, где меня искать.

Но для наживки, она слишком настоящая. Слишком поломанная и ... живая.

Впускаю ее в холл, девчонка мигом юркает в дом и сурикатоном замирает возле входной двери, не решаясь пройти дальше.

– Как зовут?

Вести светские беседы сейчас настроен меньше всего, но что-то в этой девочке есть такое... цепляющее. Да и какие с нее сейчас допросы? Едва живая ведь, дрожит и трясется так, что зуб на зуб не попадает.

– Дина, – нервно шепчет девочка, – помогите мне, пожалуйста. Я заблудилась. Не смогла найти дорогу к городу. Увидела свет и пошла на огонек. Машина заглохла в лесу, но все размыло и сейчас к ней не подобраться.

Интересная история, Дина.

И сейчас ты явно и бесхитростно держишь меня за идиота. Вряд ли тебя бы пропустили через посты охраны, не предупредив меня. Да и машина заглохшая в лесу – как-то подозрительно гладко.

Вопрос – как ты проникла на закрытую территорию?

И ответ на него мне очень интересен.

Мысленно делаю зарубку в памяти – эту смену охраны уволить сегодня же, остальным завтра лично провести жесткую проверку на служебное несоответствие.

– Так, Дина, – делаю вид, что поверил в ее байку, – сначала давай подыщем тебе что-нибудь более сухое из одежды. И ты явно не откажешься от горячего ужина?

Чихнув, Дина смущенно кивает и кусает нижнюю губку. Тащу ее на кухню, прокручивая в голове самые разные варианты причин появления мокрой и красивой девочки на пороге моего дома.

Соблазнительная девочка идет почти неслышно, хотя ее внешность – это последнее, о чем я сейчас должен думать. Да и ясно, что сама девочка – с сюрпризом, так просто не поспешит рассказывать свою историю. Уже готов услышать слезный рассказ про заблудившихся грибников или еще какую-нибудь байку.

Передо мной только что вырисовались две проблемы.

Понять бы, откуда ты такая взялась посреди тайги, незнакомка Дина.

И подобрать для тебя что-нибудь подходящее и сухое из

гардероба Зоюшки Сергеевны.

Глава 3.

ДИНА

Меня трясёт изнутри, крупной, безжалостной дрожью, которую невозможно унять.

Горло саднит, в висках стучит и я чувствую, как температура противно ползёт вверх – медленно, неотвратно, как вода в весенний паводок. Лоб шпарит кипятком, ноги едва держат, и если бы я не вцепилась в край стола, наверняка бы осела на пол.

– Так, деточка, – всплескивает руками полная женщина в вышитом переднике, – тебе сухое надо. Срочно.

– Сссс–паа–асиб–боо, – дрожа и стуча от холода зубами, едва выговариваю я.

Чихаю. Громко и как-то вот совершенно не вовремя. Как раз, когда женщина представляется Зоей Сергеевной. Впрочем, она быстро исчезает.

Голос Зои Сергеевны доносится откуда-то из глубины соседней комнаты – она что-то ищет, звенит плечиками в шкафу, и я стараюсь дышать через рот, потому что нос уже не работает.

Спокойно, Дина. Вот только без паники.

Нельзя спалиться, сейчас особенно нельзя.

Температура плавит мозги, соображать трудно. Но этот экзамен я обязана выдержать на отлично. Иных вариантов

спастись у меня нет.

Я знаю, в чей дом я пробралась. Имя владельца этого особняка мне прекрасно известно.

Марк Громов.

Тот самый. И если он меня узнает – если случайно раскурит, если логически сложит два и два, то всё кончится. Для меня – точно. Не время для искренности, надо разведать обстановку.

Догадываюсь, что Марк будет проверять каждую деталь, выстраивать цепочку, копать и выяснять, как я сумела обойти охрану. Но потом – это потом. А сейчас мне нужно одно. Укрыться. Забиться в тёплое, сухое место, где меня не найдут. Где хотя бы на несколько дней я смогу спрятаться в уверенности, что меня не найдут.

Зоя Сергеевна появляется с ворохом одежды в руках.

– Вот, доченька, – она протягивает мне огромный вязаный свитер и длинную тёмную юбку, – переоденься, мокрое скинь, а то совсем заболеешь.

– Спасибо... — голос хрипит, срывается, и я откашливаюсь, – спасибо вам большое.

Захлестывает стыдом, ведь я вынуждена притворяться перед этой доброй женщиной. Одно меня оправдывает – зла здесь я точно никому не желаю. Все, что мне отчаянно нужно – немного удачи, защита и возможность переждать здесь несколько дней.

А дальше я просто буду думать, как лучше поступить.

Признаться во всем сразу? Не лучший вариант. Но других нет.

– Не благодари ещё, рано пока, – мягко одергивает меня Зоя Сергеевна, – сперва высушишься, поешь, а потом и благодари.

Кивает в сторону огромного деревянного шкафа – тёмного, с резными дверцами, с тяжёлыми ручками в виде звериных лап. Открываю дверцу и прячусь за ней, словно за ширмой. Стягиваю мокрую куртку-жилетку, потом джинсы – они липнут к коже холодом.

Натягиваю шерстяной свитер.

Он длинный, вязаный, пахнущий чем-то тёплым – лавандой, может, и сухими травами. Достает мне до колен, как платье. Рукава свисают до самых кончиков пальцев, и я утопаю в нём, будто в теплой, но чужой жизни.

Юбка – совсем другое дело. Она огромная, Зоя Сергеевна явно шире меня в бёдрах вдвое. Застёжка не держится, ткань соскальзывает вниз, и я перехватываю её рукой, пытаюсь подоткнуть, укатать пояс – бесполезно. Юбка сползает, как будто тоже не хочет на мне оставаться.

В конце концов зажимаю её край под мышкой и возвращаюсь за стол босиком по тёплым деревянным половицам.

Марк смотрит и упирается взглядом в юбку.

– Лучше снять, свитер достаточно длинный.

Как раз в этот момент, юбка сама соскальзывает с моей талии и с шелестом валится на деревянный пол.

Марк не отводит взгляд, не стесняется – смотрит прямо, с интересом, и я чувствую, как по спине пробегает горячая волна, не от температуры. Свитер едва прикрывает колени, ноги голые, и я стараюсь не думать о том, как это выглядит со стороны.

– Как вас зовут? — спрашиваю и улыбаюсь так, будто действительно не знаю. Будто впервые вижу этого человека в жизни. Собственно, вживую я и в самом деле вижу его впервые. До этого – только на фотографии.

Он чуть прищуривается. Пауза совсем короткая, но я её отчетливо слышу.

– Марк.

Просто имя. Без отчества.

Киваю и слишком поспешно опускаю глаза, но в этот момент Зоя Сергеевна ставит передо мной миску. Огромную, глубокую, от которой поднимается пар. А в ней горячие пельмешки, плавающие в парном бульоне. Рядом – тяжёлая керамическая кружка с травяным чаем, пахнущим мятой и чабрецом, и кувшин с морсом – тёмно-красным и таким аппетитно-густым.

– Меду еще надо бы, – слышу сквозь вату в ушах голос Зои, – температуру сбить.

Накалываю пельмень на вилку, отправляю в рот – и тепло разливается внутри, медленно, будто оттаивает что-то залежавшееся. Чай обжигает губы, и я делаю маленький глоточек.

И тайга за стенами дома чуть отступает.

Чуть.

Марк сидит напротив, молча смотрит с заинтересованным, цепким выражением. Надкусываю пельмень, улыбаюсь, моргаю, отчаянно стараюсь выглядеть соответствующей своей легенде. Девушка заблудилась и замёрзла, ничего необычного.

Хотя, если вдуматься, я и в самом деле заблудилась.

Только – скорее по жизни.

И сейчас самое неподходящее время, чтоб спалиться.

За окном что-то трещит. Резко, сухо – ветка, может быть, или птица. Вздрагиваю так, что вилка звякает о миску. Марк не реагирует – привык, он местный. Чем-то внешне напоминает сурового сибирского лесоруба. А я сижу и нервно слушаю, как тайга дышит за стенами.

Сколько времени я здесь, а привыкнуть пока не могу. Может когда-нибудь, как все уляжется... Если я выживу.

Я выросла на степном юге. Там где гудит донской ветрюган, ровный, открытый. Там видно далеко и просто так не спрячешься, но и подстеречь трудно. А здесь – бескрайний шумный лес со всех сторон, плотный, как стена, и в нём может случиться всё.

Кто угодно может стоять за ближайшей грядой елей и смотреть на свет в окнах.

Надеюсь, я смогла оторваться от своих преследователей. Если получится продержаться до утра, значит есть шанс на спасение.

Все, что мне надо – просто отогреться и обдумать, что делать дальше.

Ловлю на себе пристальный и задумчивый взгляд Марка. Так смотрит тот, кто знает, что ему врут. Или мне это только кажется.

Он встает и подходит к одному из кухонных шкафчиков. Достает какой-то пакетик и высыпает из него порошок в стакан с горячей водой.

– Пей, – протягивает мне.

По запаху пытаюсь определить, что это за лекарство.

– Что это?

– Сыворотка правды, – мрачно усмехается Марк, – пей. Еще температуру неплохо сбивает, но это уже так, побочка.

Марку звонят и он с кем-то говорит, но на меня накатывает дурнота. Организм не справляется с высокой температурой.

Вижу, как шевелятся его губы, слышу голос – низкий, ровный. Но слова не складываются в смысл. Они долетают до меня кусками, как обрывки радиосигнала: «...дорогу размыло...», «...утром поедем...», «...машина осталась...».

Чувствую себя мокрым и больным животным, слишком чужим в этом безопасном мире Марка Громова.

Только не спались. Не здесь. Не...

Вилка выскальзывает из пальцев. Звякает о миску. Звук – далёкий, пробивается будто через стену воды.

Зоя Сергеевна говорит что-то. Голос мягкий, заботливый.

Мне становится хуже. Сутки в лесу под проливным ноябрьским дождем, срывающийся мокрый снег – для неподготовленного организма это не проходит бесследно.

Пол качается под ногами, скатываюсь с высокого табурета. Марк резко откидывает телефон и молниеносным рывком подхватывает меня на руки.

Темнота.

Пустота...

Сознание возвращается уже позже, скупыми рывками. Первое, что замечаю – потолок. Белый, высокий, с тёмной балкой. За окном темнеет тайга, густая и пугающая, а сквозь неё прорывается мокрый снег, смешанный с дождём. Ноябрь никак не решит, кем ему быть.

Лежу в огромной чужой кровати, утопая в пуховом одеяле. Голова гудит, тело горит, кости словно наполнили расплавленным свинцом. Во рту сухая горечь.

Дверь открывается тихо. Зоя Сергеевна с подносом – кружка, от которой клубится пар, и тарелочка с пирогом. Пахнет мясом и капустой так, что сразу же хочется наброситься на угощение. Да вот только сил нет даже подняться.

– Пей, – говорит она, – чай с липой и малиной. Лежи, я сказала. Куда ж ты все время дергаешься?

Хочу поблагодарить, но слёзы подкатывают сами – горячие, обжигающие и их уже не остановить. Слишком много эмоций на меня накатывает разом. От температуры, от беспомощности, от того, что кто-то заботится обо мне в глухой

тайге, когда весь мир должен быть против.

– Плачь, доченька, – Зоя гладит меня по лбу тёплой ладонью, – легче станет.

Шмыгаю носом и действительно чуть легче. Пью чай маленькими глотками, откусываю кусочек еще теплого пирога, тесто рассыпчатое, начинка сочная, с перцем. Но не могу осилить и половины приготовленного угощения. Слабость добивает.

Пытаюсь сканировать реальность и в голове крутится только одна мысль.

Они не пришли.

Значит, я сбила их со следу. Пока я в безопасности.

Потом снова накатывает дурное забытьё. И снова свет, но уже другой, тусклее. В дверном проеме стоит Марк.

Молча ставит кружку с лекарством на тумбочку и смотрит – тёмно, внимательно, как человек, наблюдающий за явлением, которое пока не понимает. Хочу открыть рот и выдать очередную порцию легенды, но он уже уходит, бесшумно.

Боюсь поймать себя на очевидной мысли.

Марк конечно же мне не верит.

Тьма накатывает снова. На этот раз тёплая, пахнувшая липой и Зоиным свитером. И на самом краю уплывающего сознания – равнодушный звук дождя, который не прекращается.

Глава 4.

МАРК

Дина беспокойно спит. Ощущаю это так, словно она не в соседней комнате, а рядом со мной. Чувствую ровное, тяжёлое дыхание, с хрипотцой, как у человека, которого добивает температура.

Сижу в кабинете. Мониторы – три, в ряд, голубоватым светом заливают стол, руки, лицо. Прокручиваю запись домашних камер задним ходом. Вот она, появляется у крыльца. Мокрая, съёжившаяся, слабо стучит ладонью в дверь. Кроссовки промокли. Одежда мокрая насквозь, прилипла к телу. Дрожит. Мощная камера на входе четко фиксирует каждую деталь.

Откуда взялась эта девочка на пороге моей берлоги?

Прокручиваю дальше. Камера на заднем дворе – пусто. Боковая – пусто. Подъездная дорожка – пусто. Она просто появляется у крыльца, будто материализовалась из тайги. Минуя все камеры. Ну не с неба же девочка свалилась – и прямо на порог дома.

Нет. Так не бывает.

Набираю Тимофея. Час ночи, но он берёт мгновенно – порой мне кажется, что мой начбез вообще обходится без сна.

– Тим, нужна помощь. Срочно.

– Что случилось? – голос собранный, как будто ждал звон-

ка.

– В моем доме – незнакомая гостья. Появилась вечером, прямо из тайги, сейчас лежит в забытьи, с температурой. Мне нужно знать, кто она и откуда пришла. Все камеры прокрутил – вижу только, как она у двери. Откуда взялась – непонятно.

Пауза. Тим переваривает.

– Уже выезжаю. Через час буду.

– Жду

Выхожу на крыльцо. Закуриваю, смотрю на тяжелое, мутное небо. Дождь больше не дождь – снег. Мокрый, тяжёлый, хлопьями валит, к туру развезет окончательно, если не схватит морозной коркой. Ливень перерос в снегопад, и тайга за домом – уже не стена, а белая пелена, сквозь которую не видно ни зги. Ветер рвёт снежные комья, злобно швыряет их в лицо.

Непогоду люблю, как ни странно. Именно она помогает мне сосредоточиться.

А в голове вертится один–единственный вопрос. Откуда пришла эта девочка?

Мозг работает жёстко, по старой военной привычке, прокручивая возможные варианты и отсекая лишнее. Посёлок закрытый. Охрана на въезде – два КПП, круглосуточно. Периметр – надежный забор, камеры, датчики движения. Не Пентагон, но для гражданского объекта – серьёзно.

Муха не пролетит.

И обычно не пролетает.

А вот эта девочка прошла.

Час спустя пелену из мокрого снега и ливня разрывают фары внедорожника Тимофея. Подогнав под навес, Тим выходит из машины, в куртке, с ноутбуком под мышкой. Кивает мне и молча проходит в дом, сразу – в кабинет. Садится к мониторам, открывает ноут, подключается без лишней суеты.

– Показывай, что есть.

Прокручиваю запись. Тим смотрит, лицо каменное. Потом разворачивается.

– Сейчас вывожу поселковые камеры. У нас сейчас идёт замена оборудования на часть объектов, не везде ещё новые стоят. Но кое-что должно быть.

Работает быстро, пальцы по клавишам, один экран за другим. Снег на дорогах, фонари, пустые улочки. Час назад, два, три. Отматываем быстро, фиксируем каждое движение по особым меткам в файле. У Тимофея с этим все четко.

– Вот, – Тим тычет пальцем в экран, – период – вчера, шесть вечера. Камера у супермаркета.

Вглядываюсь в изображение на мониторе. Мокрая, дрожащая фигурка выходит из-за угла магазина. Значит, где-то уже успела промокнуть основательно. Тоже наблюдение. Крадётся вдоль стены, прижимаясь к кирпичу. Едва держится на ветру. Мокрая одежда, волосы закрывают большую часть лица, красный беретик выглядит скорее жалко, чем в

самом деле защищает от непогоды. Отделяется от супермаркета и бредёт в сторону моего дома.

И почему—то у меня появляется стойкая уверенность в том, что девочка — не из наших мест. Что—то скорее интуитивное, чем основанное на логике.

— Она была внутри супермаркета? — спрашиваю и снова закурываю.

— Неясно. Камера на входе ещё не подключена, меняли накануне как раз. Но вышла она явно оттуда.

— Это закрытая территория. Супермаркет — только для жителей поселка, чужак туда не пройдет. Даже если кто—то из гостей. Как она туда попала?

Тим молчит. Чувствую, как он прокручивает варианты.

— Проверь гостевые пропуска, — на всякий случай даю очевидный совет, — может, к кому-то приезжала. Не может человек просто появиться на закрытой территории.

— Уже проверяю, — Тим лезет в ноут, — так... За последние двое суток было всего три гостевых пропуска. Все — к конкретным домам, все на определенное время. Имена, фотографии, номера машин, всё есть.

— И?

Начинаю терять терпение, злость закипает. С трудом гашу эмоции. Чертовщина какая—то.

Ага, соблазнительная такая, заманчивая и нежная чертовщина, свалилась с высоченной температурой прямо ... в мою постель.

– Никаких совпадений. Ни одна машина не задерживалась дольше указанного времени. Все выехали по графику.

– Значит, не через гостевой пропуск. Ну собственно, как и предполагал.

Тим откидывается, трёт лицо ладонями. Смотрит на меня.

– Марк Львович, я одного не понимаю. Девушка ведь как-то появилась на территории посёлка, не зарегистрировавшись на КПП. Прошла через супермаркет, но ее предыдущего маршрута нет на камерах. Дошла до вашего дома так, словно четко понимала, куда двигаться.

Молчу. Вспоминаю. Другую жизнь, другую пересеченную местность, другой дождь. Когда мы с группой обходили блокпосты, просачивались сквозь минные поля, двигались по лесу без дорог, без света, без связи. Когда каждый шорох мог быть последним. Я знал, как это делается. Я мог бы это сделать. И Тим мог бы.

Но эта девочка?

Она едва держалась на ногах. Температура под тридцать девять, мокрая насквозь, едва живая, явно еще и голодная. Это не выживальщик, не спецназовец. Так откуда у неё навыки разведчика-диверсанта?

– Тим, – говорю тихо, – она прошла через охраняемый периметр, не попав ни на одну камеру. Зашла в супермаркет, который открыт только для своих. Дошла до моего дома по посёлку, где реально ведь муха не пролетит без моего ведома. И всё это – с температурой тридцать девять, насквозь

промокшая, после суток в тайге.

Тим смотрит на меня. Молчит.

– Кто она такая, Тимофей? – озвучиваю вопрос, на который не жду ответа от своего начбеза.

Тим работает с записью – увеличивает, фильтрует, пытается вытянуть чёткую картинку. Но картинка не идёт. Дождь, грязь на объективе, тусклый фонарь, который еле светит сквозь мокрый снег, — всё сливается в серо-белую кашу. И ещё берет на макушке. Мокрые волосы, прилипшие ко лбу и щекам, закрывают половину лица. Девушка идёт, низко опустив голову, и видно только подбородок, да и тот – в тени от слипшихся волос и беретика, надвинутого на лоб.

– Лицо не вытащить, – Тим качает головой, – разрешение не тянет. Освещение – дрянь. Объектив заляпан, видно, что дождь всё заливал.

– Погоди, – я наклоняюсь ближе к экрану, – прокрути на десять секунд назад. Вот тут. Видишь? Она чуть поднимает голову, когда мимо фонаря проходит. И тут же опускает. Буквально на долю секунды.

Тим перематывает, останавливает, увеличивает. Мелькает фрагмент – нос, часть щеки, мокрая прядь волос, и тут же берет снова съезжает на лицо, как занавеска.

– Специально пряталась, –жимаю плечами и продолжаю рассматриваю запись на замедленной перемотке.

– От камер? – Тим смотрит на меня.

– От камер. Да от всего. Она шла, низко опустив голову,

и поднимала её только когда нужно было сориентироваться. Это не случайность, Тимофей. Это отработанная техника.

Тим молчит, и я вижу, как он прокручивает в голове то же, что и я. Девочка, которая сама едва передвигается от слабости, с температурой под тридцать девять, абсолютно мокрая – и при этом умело уклоняется от камер. Что-то здесь не сходится, и не сходится кардинально.

Чую, с такой гостьей сюрпризы не заставят себя долго ждать.

– Ладно, – я откидываюсь в кресле, – допустим, она прятала лицо. Но вот что меня действительно интересует. Смотри, Тим, – я тычу пальцем в экран, в маршрут от супермаркета до моего дома, – От магазина до меня – ещё несколько домов. Все жилые, во всех горит свет. Если она случайно попала на территорию, если она просто брела, не понимая куда, – она могла постучать в любой из них. В ближайший. В первый попавшийся.

Тим кивает, сосредоточенно просматривает те же кадры снова и снова.

– Но она прошла мимо всех. Мимо дома Соколовых – там свет горел, я помню. Мимо дачи Карелиных – они в тот вечер были, машины стояли. Мимо дома Севы Белова. И постучала ко мне.

– К вам, – подтверждает Тим ровно, – стойкое ощущение, что девочка точно знала, куда идёт.

– Вот именно. Не бродила наугад, не искала первый по-

павшийся кров. Она шла ко мне. Конкретно ко мне.

Тим трёт подбородок, глядит на экран, где застыла размытая фигурка в берете.

– По фото её никак не идентифицируем, – он пожимает плечами, – лица нет. Данных нет. Можно, конечно, по контрольным точкам попробовать, по росту, по телосложению, но точности – ноль.

– Пока отложим, – решаю я, – девочка с сюрпризом, и карты свои она не раскроет. Пока она спит и температурит, мы ничего от неё не добьёмся. Подождём пару дней, пока оклемается. А там уже и посмотрим.

Тим кивает, но потом встаёт, подходит к окну. Снег валит уже стеной, фонарь у крыльца едва пробивает эту белую мглу. Тайга за домом сейчас – сплошная заснеженная стена, и в ней ничего не разобрать.

– На всякий пожарный снял несколько проверенных бойцов, – говорит Тим, не оборачиваясь, – Пригнал сюда, на территорию. На тот случай, если понадобится оборона.

Молча усмехаюсь.

– Тим, рядом тайга. В случае чего я и сам справлюсь.

Он оборачивается и смотрит на меня. Без улыбки. В глазах тот самый спокойный, цепкий взгляд, который я знаю по горячим точкам. Тим не шутит, когда говорит об обороне.

– Осторожность не помешает, – говорит он, – кто знает, от кого бежала эта девочка. И кто может явиться по её следу.

Пожимаю плечами, но не спорю. Он прав, и мы оба это

понимаем. Потому что если она легко прошла через наш периметр, значит, за ней могут прийти те, кто умеет не меньше.

– В лесу, – говорю я, – должна быть её машина. По её словам.

– Сейчас? В ночь? – Тим оживляется мгновенно, и я вижу, как в его взгляде загорается азарт охотника, – я готов хоть сейчас со своими людьми прочесать лес. Квадрат за квадратом. Найдём, Марк Львович, не переживайте.

– Стой, – останавливаю я его, – не надо людей. Если машина и вправду есть, завтра с головой хватит разведки квадрокоптером. Утром уже, при нормальном освещении. Девочка вряд ли забралась бы в глухую часть – с её-то состоянием и физподготовкой. Значит, искать надо по просекам и открытым полянам. Где могла проехать машина.

Тим смотрит на меня долго, и потом его губы складываются в медленную, невесёлую усмешку.

– Марк Львович, – говорит он, и в голосе что-то среднее между уважением и настороженностью, – если она смогла проникнуть в ваш дом, пройдя через охраняемый периметр, мимо всех камер, мимо КПП – то не удивлюсь и другим визитерам. К этому лучше подготовиться.

Устало молчу, потому что ответить нечего. Тим прав.

И эта мысль – что девочка, которая сейчас спит у меня в спальне, свернувшись клубком под Зоиным свитером, может оказаться опаснее, чем кажется, – сидит в голове, как заноза, и никуда не уходит.

За окном тайга гудит. Ветер крепчает, снег валит всё гуще, и где-то в этой белой мгле, может быть, стоит брошенная машина девушки, а может быть нет. И мы не узнаем этого до утра.

– Ладно, – говорю я и гащу сигарету, – Квадрокоптер пускай над территорией уже на рассвете. А пока оставляй своих людей на периметре. И ещё, Тим...

– Слушаю.

– Узнай, кто за последние сутки выезжал из посёлка. Вне графика. Ночью. Внепланово.

Тим поднимает бровь.

– Думаете, кто-то вывез её сюда и бросил?

– Не знаю. Но если она не прошла через КПП – значит, кто-то ей помог. Или она нашла брешь, о которой мы не знаем. И то, и другое – проблема.

Тим кивает и молча выходит из кабинета. Дверь закрывается тихо. Я остаюсь один – с тремя мониторами, с остывшим виски и с размытой фигуркой на экране, которая направляется сквозь снег к моему дому, точно зная, куда идёт.

За стеной тяжело спит Дина.

Глава 5.

МАРК

Просыпаюсь от того, что затекла шея. Диван в кабинете – не кровать, и тело в тридцать девять лет напоминает об этом с первым же движением. Поворачиваю голову – хрустит. Гляжу на часы: пять утра. За окном темно, но снег чувствую – воздух другой, плотный, давящий, и тайга за стеклом стоит белая, придавленная, будто кто-то накрыл её огромной простынёй и забыл снять.

Память сама уводит в коварные воды прошлого.

Странно, как всё складывалось.

В двадцать лет я рвался на войн, горел жадой подвигов, хотел проверить себя на прочность. Где край, за которым ломаюсь? Горячие точки дали ответ – я не ломался. Остервенело лез под пули за своих, вытаскивал раненых из-под огня, получал осколки – и вставал. Рёбра, нога, плечо – всё срослось, всё зажило, кроме чего-то внутри, что должно было остаться целым.

Не осталось.

Потому что адреналин – коварная штука, на которую легко попадаешься. Сначала ты рискуешь ради других, потом – потому что не умеешь иначе. Просыпаешься в тишине и задыхаешься. Тебе нужен грохот, риск, нужна та грань, где сердце колотится в горле и каждый вдох может быть послед-

ним. Я подсел на это по-настоящему и понимал – если не уйду сам, война сожрёт меня целиком, отдаст обратно обглоданной костью.

Ушёл.

Потому что меня ждала девушка.

Моя единственная, Люба.

Вернее, я думал, что ждала. Три года я жил образом моей страстной и желанной девочки – нежный голос, шелковые и длинные волосы, её искреннее «возвращайся живым» в каждом письме. Это держало меня там, в грязи и крови, последней живой ниткой. Единственной, за которую цеплялся.

А она в это время развлекалась с тем, кого я считал другом. Не дождалась. Не захотела. Просто нашла другого – поближе, потеплее, без осколков в теле и ночных кошмаров. С деньгами, на тот момент, весьма хорошими.

Правда, уже с семьей, детьми и штампом в паспорте, но Любу статус любовницы совершенно не смущал.

Я узнал о ее предательстве, лёжа в госпитале. Перебитое ребро, задетое лёгкое — ерунда, быльём поросло. А вот то, что я не мог до неё дозвониться – час, два, сутки – это уже не ерунда. Трубку не брали. Я думал – случилось что-то, авария, беда. Мозг уже выстраивал сценарии, как понесусь к ней через полстраны, пусть и едва живой, но доберусь.

А потом пришло сообщение.

Несколько слов.

«Марк, прости. Я не могу больше. Я встретила другого.

Не жди. И не ищи.»

И всё закончилось. Перезванивать было бесполезно, номер заблокирован. Люба просто отрезала меня от своей жизни. Три года – и семнадцать слов на прощание.

Была ли в этом и моя вина? Была. Наверное, виноваты мы были оба и я – не меньше.

Искать ее я не стал, просто навел справки – жива, здорова и кажется вполне счастлива. Мстить ей тоже было просто глупо. Заглушил боль, вынул из себя всё, что было связано с ней, — как пулю из раны. Кровоточило, ныло, но зажило.

Любу отпустил, внутри все отболело и зарубцевалось. Не сразу, но однажды просто запретил себе о ней думать, вспоминать, чувствовать. Потеря, для которой нашлось лишь одно место – в моем прошлом.

А там, где было сердце осталась лишь бетонная плита. Тяжёлая, холодная, надёжная.

С тех пор – короткие связи, красивые и горячие женщины, секс без обязательств. Просто постель. Ничего личного. Я не позволял себе привязываться ни к кому.

И вот – Дина.

Думаю о ней и понимаю, что залипаю на мыслях о ней уже не первый раз за ночь. С тех пор, как она появилась на пороге – мокрая, дрожащая, с огромными серо-голубыми глазами, в которых паника мешалась с чем-то, чему я не нашёл названия. Она зацепила. Чем? Не знаю.

Красивых женщин в моей жизни было достаточно – и кра-

сивее, и доступнее, и уж точно без температуры под сорок в моей постели.

А эта – заставила меня спать на диване в собственном кабинете. Я уступил свою спальню. Постель, в которую не пускал ни одну женщину дольше, чем на ночь. И всё это – ради девочки, о которой я не знаю ничего. Имя, которое, скорее всего, тоже ненастоящее. История, которая гарантированно рассыпается при первом нажиме.

Навыки, которым неоткуда взяться.

И доверчивые, испуганные глаза, в которых хочется то-нуть.

Что со мной не так?

За стеной Дина борется с температурой. Я лежу, смотрю в потолок и думаю – не о том, кто она. А о том, почему мне так важно, чтобы она осталась.

Из размышлений выдергивает шорох в спальне. Тихий, невнятный, но в предрассветной тишине дома он звучит отчётливо, как щелчок затвора. Сажусь на диване, напряженно прислушиваюсь. Оттренированный слух улавливает мельчайшие нюансы. Осторожный скрип пружин. Босые ступни едва слышно касаются пола.

Дверь спальни открывается тихо и максимально аккуратно, но все же не бесшумно. Не умеет она тихо, как ни старается. Значит, не профессионалка. Остается только разложить по шагам, как она все же смогла обойти мою охрану.

Дина проснулась.

Слышу, как она крадётся по коридору. Шаги неравные, сбивчивые – один уверенный, следующий чуть спотыкающийся. Упрямая девочка. Куда направляется – уже понятно. Кухня, свет, гарантия тепла. Инстинкт больного зверька – тянуться к огню, к защите.

Девушка проходит мимо моего кабинета.

Мысль мелькает и застревает, как заноза. Не то чтобы это что-то значило – я сам предложил ей свою спальню, сам уступил кровать. Но звучит... как-то непривычно. Не похоже на меня, совсем.

Выжидаю. Считаю до тридцати. Встаю, накидываю свитер, иду за ней – бесшумно, по привычке, которую не вытравить ничем.

Сейчас на кухне горит тусклый свет – Зоюшка Сергеевна всегда оставляет ночник над плитой. Свет от вытяжки мягко заливает барную стойку рядом.

Дина стоит у кофемашины, спиной ко мне, в Зоином свитере, который свисает почти до колен. Волосы растрёпаны, влажные прядки прилипли к шее. Она мнётся у аппарата, не решаясь нажать – видимо, пытается вникнуть, как он работает. Тянется пальцем к панели и нерешительно зависает над выбранной кнопкой.

Неслышно подхожу сзади и нажимаю на кнопку двойного эспresso.

Дина вздрагивает всем телом и резко оборачивается – и оказывается прямо у меня, между рук, которые я машиналь-

но выставил по бокам от машины. Лицо в нескольких сантиметрах. Глаза огромные, серо-голубые, с перепуганной пеленой и лихорадочным блеском.

Прикусывает нижнюю губу, взгляд уходит в сторону – вниз, вбок, куда угодно, только не ко мне.

Вот так и в прошлый раз. Прячет глаза, когда ей страшно. Отступаю на шаг.

Даю возможность девочке успокоиться.

– Доброе утро.

– Доброе, – голос хриплый, тихий, но уже не тот, что вчера. Не умирающий.

Живой.

Кофемашина негромко шипит, наполняя кухню густым, непривычным запахом. Не особо люблю кофе, этот агрегат – скорее дань моде.

Дина жмётся к стене, обхватив себя руками, и я вижу, что её слегка трясёт озноб – не так сильно, как вчера, но всё ещё. Решаю не давить. Не сейчас. Не с температурой, не после мокрой прогулки по тайге. Если начну задавать вопросы – закроется, и всё.

Будет сидеть с каменным лицом и плести нелепые байки. Потом узнаю все, что мне нужно. Способ найдется.

– Как спалось?

– Спасибо, хорошо, – красивая девочка врет, не поднимая глаз, – вы извините, что побеспокоила. Мне надо найти машину и двигаться дальше.

– Машину? – поднимаю бровь.

– Ту, что в лесу осталась. Заглохла. Я же говорила.

Чувствую нерешительность в ее голосе. Врут обычно именно так.

– Говорила. Дороги развезло, ночью не проехать. Только тебе для начала надо согреться нормально и поправиться. С температурой в тайгу – это не выезд, это самоубийство.

Дина морщится, открывает рот, чтобы возразить, но я уже продолжаю.

– Заодно надо купить тебе тёплой одежды. То, что на тебе вчера было – это явно не по погоде.

Она пожимает плечами и вдруг спрашивает, с лёгкой, почти неуловимой ноткой надежды.

– А те вещи, они ведь уже высохли?

– Кое-что высохло. Но этого мало для здешней осени.

Кофе готов.

Наливаю две чашки, одну протягиваю ей. Берёт обеими ладонями, обхватывает, греет пальцы. Отпивает маленький глоток и зажмуривается – то ли от ароматного пара, то ли от удовольствия, то ли от боли в горле.

– Ты ведь не из наших краев, так? – спрашиваю, стараясь, чтобы это прозвучало легко, без давления.

– Почему? – она поднимает взгляд, и на секунду я вижу в нём что-то настороженное, звериное, мгновенно оценочное.

Быстро гасит, прячет, но я успеваю заметить.

– Одея слишком легко.

Выдаю очевидное. Пока не хочу засыпать девочку вопросами. Попутно обдумываю варианты поиска информации. Камеры в доме работают, теперь лицо Дины можно будет прогнать по базам данных.

Разберемся.

Дина снова пожимает плечами – теперь небрежно, как будто это её не касается.

– Там, откуда я родом, сейчас все так ходят. На юге ещё тепло. А тут...

– А тут не нравится? – обрываю резче, чем хотел, и сам тут же жалею. Слова выходят раньше, чем успеваю их контролировать. Какой-то внутренний рычаг срабатывает – и всё, не остановить.

Что-то в этой девочке есть такое. Её защитить хочется, заслонить собой, отгородить от всего – от тайги, от преследователей, от холода. От всего, что заставляет её дрожать и прятать глаза.

Хотя, возможно, это умелая игра. Доверять ей не стоит.

Дина молчит. Ставит чашку на стол, и её взгляд становится ровным, закрытым. Не холодным, а именно закрытым. Как дверь, которую осторожно притворили, но не захлопнули.

– Важно не где, а с кем, – отвечает она тихо, и в голос ни вызова, ни жалобы. Просто факт.

И я чувствую, как она ускользает от меня. Не физически – она стоит тут, в двух шагах, пьёт кофе, греется у моей пли-

ты. Но между нами опускается стена, тонкая и прозрачная, которой секунду назад не было.

Молча делаю глоток.

– Ясно, – бросаю с раздражением, и тут же гашу эмоцию.

Вдох, выдох. Спокойно. Это не Люба, это не предательство, это просто девочка с температурой, которая что-то скрывает и пока не готова раскрыться.

А значит, придётся держать себя в руках. Не давить, не давить, не давить. Дать ей время. И наблюдать.

– Допивай, – говорю ровно, – Зоя Сергеевна скоро встанет, позавтракаем. А после обсудим твою машину. Если она в лесу, значит найдем ее. Заодно посмотрим, может нужен ремонт.

– Что значит «если»? – мгновенно вспыхивает Дина и тут же опускает взгляд, – вы мне не верите?

Так-так, а вот это уже интересно.

Гнев лжеца на то, что его легенде не торопятся верить? Похоже на то.

Глава 6.

ДИНА

Стараюсь не смотреть на Марка. Но взгляд то и дело возвращается к этому мужчине.

Он сидит напротив, пьёт крепкий кофе, и я чувствую его взгляд – не давящий, не жёсткий, а какой-то... изучающий. Будто разглядывает меня со всех сторон, разворачивает, как карту, и сворачивает обратно. Но делает это так, что я бы и не заметила. Профессионально сканирует.

Ловлю себя на странном ощущении спокойствия.

– Может, перейдём на «ты»? – спрашивает Марк так буднично, будто предлагает сахар в кофе.

Смущенно открываю рот. Щёки горят, и я это чувствую – физически, как ожог, и спрятать нельзя, и объяснить нельзя.

– Зачем? – глупо спрашиваю и тут же проклиная себя.

– Ты спишь в моей постели, – усмехается Марк, – обычно после такого странно обращаться к человеку по имени и отчеству.

– Вашего отчества я не знаю, – вру я.

– Оно тебе ничего не даст, – жестко парирует Марк.

Логика безупречная. И от этой логики ещё сильнее хочется провалиться сквозь пол. Но я только киваю, тихо, едва заметно, и опускаю взгляд в чашку.

– Хорошо. Давай на «ты».

– Сколько тебе, Дина?

– Двадцать два.

Марк поднимает бровь. Не удивлённо – скорее, оценивающе. Как будто что-то прикинул в уме и отложил.

– А тебе?

Странно и непривычно обращаться на «ты» к тому, чье имя было под запретом в том доме, из которого мне чудом удалось сбежать.

– Тридцать девять.

Тридцать девять. Семнадцать лет разницы. Целая жизнь между нами. И пропасть из тайн, которые в здравом уме лучше и не ворошить. Но придется, и я не уверена, что Марк готов выслушать мою настоящую историю.

Впрочем, вариантов нет. Придется действовать осторожно. Одно необдуманное действие и никто не гарантирует, что я снова не окажусь там, откуда удрала.

Марк пьет кофе молча, а я украдкой разглядываю его руки. Сильные, с жесткими мускулами и старым шрамом на запястье. Руки хищника. Но этой ночью они несли меня на руках так бережно, словно я была сделана из тончайшего стекла. Даже в полузабытии я ощущала жар, исходивший от его тела.

Дверь кухни открывается, и входит Зоя Сергеевна. Сразу к плите – уверенно, как на привычный командный пост. Ставит широченную чугунную сковородку в духовку, зажигает конфорку.

Пахнет пирогами – капустой и грибами, и от этого запаха внутри что-то оживает, потому что так пахло дома, у мамы, когда папа был жив и всё было просто.

– Вот, пироги разогрею, – Зоя Сергеевна хлопочет у плиты и косится на меня с такой теплотой, что хочется расплакаться, – с капустой и с картошкой и грибами. Сил тебе набираться надо, дочка.

А потом передо мной, прямо-таки выныривает из ниоткуда, появляется креманка с вареньем. Темно–красное, густое, с мелкими косточками.

– Брусничное, – говорит Зоя Сергеевна с нескрываемой гордостью, – как раз в прошлую пятницу закатывала. Рецепт мой семейный, никто так не делает.

– Спасибо, Зоя Сергеевна, – я улыбаюсь, но Зоя не замечает.

Или делает вид, что не замечает.

Марк встаёт, кивает мне что-то невнятное и уходит. Кухня сразу становится другой. Просторнее, тише. И мне одновременно легче и пустее.

Он мне нравится.

Эта мысль всплывает, как пузырь со дна, и я не успеваю её затолкнуть обратно. Он мне нравится, и я ничего не могу с этим сделать. Марк Громов... я слышала о нем слишком много пугающего, но в реальности все оказалось совершенно иным.

Впрочем, реальная жизнь, она во всем такая.

Допиваю еще не остывший кофе, благодарю Зою Сергеевну и возвращаюсь в спальню. Закрываю дверь, прислоняюсь спиной к стене и медленно бреду к кровати.

Горько. До слёз горько.

Я прячусь в этом доме, как воровка. И за каждым моим действием стоит ложь. Грязная, липкая, тянущая за собой всё новые и новые ниточки. Если Марк узнает, кто я – что тогда? Выгонит? Сдаст Андрею? Или хуже – молча кивнёт и скажет «я так и знал», и в его глазах не будет ни удивления, ни гнева, только холодное равнодушие. И это страшнее всего.

А обманывать Зоюшку Сергеевну – вообще кощунство. Она смотрит на меня, как на дочку, печёт мне пироги, заботится. Ночью постоянно проверяла температуру и приносила травяные чаи с густым и терпким медом.

Господи, что же мне делать?

У меня больше ничего нет. Ни дома – Андрей прибрал к рукам квартиру, оформленную на отца, и всё, что в ней было. Семейный особняк, машины отца – все перешло Андрею. Ни связей – все общие друзья стали «его» друзьями, все двери закрылись, как только я перестала быть «его» Диной.

Ни денег – счета заморожены, карты заблокированы, наличности в кошельке хватит на автобусный билет до ближайшей станции, и то с натяжкой.

Всё забрал Андрей Черкизов. Мой жених. Человек, рядом с которым я собиралась прожить жизнь. Чудовище, от кото-

рого я сбежала в ночь, с одним рюкзаком, потому что не выдержала больше.

Не выдержала унижений и его агрессии.

Андрей избивал меня со знанием дела – аккуратно, расчётливо, так, чтобы не оставались синяки на видных местах. Малейшее неповиновение вызывало у него вспышки ярости. Ревность, помноженная на подозрительность и откровенное желание прибрать с помощью брака все активы моего отца, переданные мне по наследству.

Папа, за что ты меня этому не научил? Ты учил меня ориентироваться в лесу, уклоняться от камер, двигаться бесшумно – но не учил главному.

Как распознать чудовище, пока я не оказалась в его логове.

Впрочем, ты и сам не знал... За что и заплатился.

Утыкаюсь лицом в подушку и реву. Беззвучно, молча, вбирая слёзы в наволочку, чтобы никто не услышал. Тело сотрясается, но губы сжаты, и ни одного звука не вырывается наружу. Я давно научилась плакать тихо. Мои слезы выводили Андрея из себя, вызывали мгновенно опасную и неконтролируемую волну ярости.

Ночью кто-то приезжал.

Я проснулась от шума мотора – лежала без сна, дрожа от страха, вжимаясь в матрас. Сердце колотилось так, что стучало в ушах. Люди Андрея? Неужели так быстро нашли? Дверь спальни была закрыта, но я слышала голоса – два муж-

ских, тихие, деловые.

Один – Марк. Второй – незнакомый, спокойный. Потом машина уехала. Судя по всему – тревога ложная. Видимо, кто-то из своих.

И вот сейчас — плачу в подушку, как маленькая, и не могу остановиться.

Поможет ли мне Марк? Да и как ему сказать?

«Здравствуйте, меня зовут Дина, я невеста человека, который убил вашего брата. И отца моего, кажется, тоже. Кстати, его вы тоже отлично знаете. Можно я поживу у вас, пока вы будете решать, что со мной делать?»

Глупо. И страшно.

Вздрагиваю от того, что мне на плечо ложится чья-то горячая ладонь.

Резко поднимаю голову. Подушка мокрая, лицо мокрое, глаза жжет так, словно песком присыпали и передо мной Марк. Стоит рядом с кроватью, смотрит сверху вниз. Только в глазах что-то новое, чего не было раньше. За умело разыгранной невозмутимостью, явно считываю хорошо скрытый интерес.

Рядом с постелью стоят пакеты. Несколько, с логотипами известных лейблов.

– Тёплая одежда, – кивает в сторону пакетов, – в твоём жакете и кедах далеко не уйдёшь.

Молча вытираю слёзы тыльной стороной ладони, сажусь на кровати. Подтягиваю колени к груди, обхватываю руками.

– Почему ты не спрашиваешь, кто я такая? – голос хриплый, севший от слёз и саднящего горла.

Марк усмехается. Коротко, одними губами. Не зло, но скорее, устало.

– Не хочу услышать ложь. Не доверяю незнакомым людям.

Закусываю губу. Внутри всё сжимается, потому что он абсолютно прав, и от этой правды не деться никуда. Я вру ему в лицо, и он это знает. Ждёт, когда я сама споткнусь.

– Я уже всё тебе рассказала, – тихо настаиваю на своем, глядя в сторону, – заблудилась в лесу, ночью на машине, дорогу размыло. Бензин закончился, все заглохло. Вот и пошла на поиски людей.

Марк молчит. Долго. Потом медленно кивает, как будто ставит галочку в невидимом списке.

– Ясно.

Молча уходит. Дверь закрывается тихо. Я остаюсь одна и шмыгая носом, сажусь разбирать пакеты с теплой одеждой. Почему–то очень несвоевременно, в моем усталом сознании мелькает мысль о том, что мне приятно...

Марк выбирал для меня одежду, обувь... Нехитрое, но такое теплое проявление заботы. Я уже и забыла, когда обо мне заботились по настоящему?

Наверное, когда мой отец еще был жив.

И пока в моей жизни не появился Андрей.

Глава 7.

МАРК

Ночь и мне снова не спится. Лежу на кухонном диване, рядом с барной стойкой. Не хочу идти в кабинет. Вся эта ситуация с появлением Дины начинает бесить тем, что пока в ней вопросов больше чем ответов.

И безошибочно чую, что прошлое снова вторгается в мою жизнь. В виде соблазнительной девочки с испуганными, но очень умными глазами.

Часы показывают два сорок три, и я лежу, глядя в потолок, слушая тишину дома. Где-то за стеной – Дина. Спит, не спит – не знаю. Уверен только, что не могу перестать о ней думать, и от одной только этой мысли накатывает глухая ярость.

Чем так зацепила?

Телефон бесшумно вибрирует на тумбочке. Экран заливает темноту холодным светом. Тимофей.

Звонит в три ночи. Значит, плохо дело.

– Слушаю.

– Марк Львович, – голос Тима без обычной паузы, жёсткий, собранный, – есть новости.

– Выкладывай.

– Андрей людей поднял. Теперь уже по полной программе.

Перевариваю информацию. Жду и понимаю, что это не

все, ради чего начбезу приспичило будить меня в три часа ночи.

– Не только своих, я так понимаю, что собственных ресурсов уже не хватает. Нанял сторонних. Чисто ищейки, про-фи. Прошлись по всем каналам – аэропорты, вокзалы, посты ДПС на трассах. Описание вас интересует. Женщина, молодая, на вид года двадцать два – двадцать три, невысокая, темноволосая. Сфотографировать, задержать, сообщить.

Полусон слетает мгновенно.

– Когда?

– Первые запросы пошли вчера днём. Но по нашим данным, людей он выставил ещё позавчера. Тихо, без шума. Через третьих лиц. Деньги – наличка, без следов. Кто-то из бывших оперов, кто-то из частных агентств. Работают профессионально, но это уже не наблюдение, Марк Львович. Это облава.

– Есть более конкретные данные?

Безошибочно улавливаю, что Тимофей ждет именно такой вопрос.

– Еще как есть. Есть конкретней, то разыскивается Ланская Дина Дмитриевна, двадцать два года. Невысокая, волосы темные. Фото сейчас сброшу.

Встаю. Подхожу к окну. Тайга черная, непроницаемая. Небо затянуто.

– Тим. Ты понимаешь, что это значит?

– Значит, Андрей не просто запаниковал. Эта самая Дина

слишком важна для него. Он ищет так, как ищут того, кто может его уничтожить.

– Сколько людей? – не спрашиваю, а скорее размышляю вслух.

– На сегодня – по нашим данным, десятка два уже задействованы, плюс разослали еще по своим. И вот что интересно. Ищут по нашему региону. И по южным областям. Пробил я эту Дину Ланскую, она из Ростова–на–Дону. Далеко ж девчонку занесло...

Сходится и это. Не могу держаться от улыбки, вспоминая в чем Дина отправилась в лес. Местные красавицы в конце осени так точно не вырядятся.

– Значит, она для него настолько важна...

– Критически важная. Насколько, что Андрей готов светиться, даже нанимая посторонних ищеек. А он не любит публичность в таких делах.

Молчу и обдумываю свалившуюся на мою голову информацию.

Дина.

Телефон вздрагивает входящим сообщением. Открываю его, не разрывая звонок с начбезом. И с экрана смартфона на меня смотрит... Дина.

– Черт подери, – тихо шиплю, – в моей спальне сейчас та самая беглянка, которую разыскивает Черкизов.

Тим тихонько чертыхается в ответ.

– Значит, все что она говорила – продуманная легенда.

– Да, смахивает на байку, – соглашаюсь я, – но чисто сработанную. Держится Дина уверенно, не дёргается, не путается. Либо её натаскивали, либо она – природный талант.

– Или она врёт не от хорошей жизни, – Тим говорит это осторожно, будто пытается проверить свои же слова.

– Вполне вероятно, что и так, – соглашаюсь без колебаний.

Слишком много страха было в глазах Дины. Хотя, верить ей слишком рано. Не исключено, что сейчас в моей постели – искусная актриса, ловко разыгравшая из себя жертву непогоды.

Пауза.

– Марк Львович, – осторожно начинает Тимофей, – если это та самая женщина, которую сейчас ищет Андрей с такими усилиями... Зачем она пришла к вам?

– Хороший вопрос. Теперь это точно не случайность.

– Согласен. Значит, либо она знала, чей это дом. Либо...

– Либо её послали, – озвучиваю еще один очевидный вариант.

Дергает от этой мысли. Почему-то мне совершенно не хочется, чтоб Дина оказалась засланным казачком.

– Если её послал Андрей — это наживка. Он ведь догадывается, что вы копаете под него. Знает, что ищите зацепки. И подкидывает вам сногшибательную девочку с грустными глазами, чтобы вы расслабились, раскрылись, совершили ошибку.

Корежит слово «*сногшибательная*» от моего же начбеза.

Хотя, если вдуматься, нормальная мужская реакция. Девчонка и в самом деле шикарная. Ревниво дергаюсь от мысли, что Тимофей тоже рассматривал фотографии Дины.

– Я это уже обдумал.

– И?

– И ничего. Не знаю. Пока не знаю. Но мы это выясним.

– Как?

– Для начала – прокачай её глубже. Накопай всё, что сможешь. Имя, фамилия, откуда, родители, образование, связи. Если Андрей её нанял – будут следы. Контракт, деньги, посредники. Найди всё.

– Принял. Но Марк Львович... есть ещё кое-что.

– Слушаю.

– Если она не от Андрея... если она действительно от него сбежала... тогда она – наш козырь. Тот, кого Андрей ищет с такой бешеной энергией, знает что-то, что может его уничтожить. И если она у нас, а не у него – это меняет всю игру.

– Это я уже тоже обдумал. И поэтому я её пока не выгоняю. Пусть побудет у нас пока, а дальше посмотрим. Дадим ей время.

– Давать ей время – это, конечно, хорошо, – Тим тщательно подбирает слова, – да вот только есть один нюанс. Если Андрей узнает, что она у вас...

– Он не узнает. Пока не узнает.

– И все-таки? – настаивает Тимофей. Понимаю его, перестраховка в такой ситуации никому еще не вредила.

– Тогда будем решать по ситуации.

– Понял. Но на всякий случай поставил дополнительно людей. И подготовил охотничий домик. На случай экстренного отъезда.

Мысленно хвалю. Не зря отрабатывает свой хлеб.

– И Марк Львович...

– Что?

– Лучше перестраховаться. Если она – не наживка, а реальная беглянка, то Андрей рано или поздно выйдет на вас. И ему будет всё равно, кто вы и что вы. Он захочет забрать своё. Дина – это серьезная проблема.

– Я в курсе, – сухо отрезаю и кладу трубку.

Тим прав. Дина – это проблема.

Выхожу в коридор. Дом спит.

Иду на кухню. Наливаю воду. Стою у окна, смотрю в черноту.

Андрей Черкизов ищет свою невесту по всему региону. Нанимает людей, тратит деньги и суется. Рискует. Ради чего? Ради женщины, которая что-то знает? Или ради женщины, которая что-то взяла? Кто для него Дина на самом деле. В версию про чувства я не верю изначально.

Невеста моего кровного врага. Вот она – у меня в доме. В моей постели. У судьбы какое-то ушибленное чувство юмора. Или это у меня его просто нет.

Зачем ты здесь, Дина?

Зачем пришла именно ко мне? Если знала, чей это дом,

то зачем?

Что ты хотела здесь получить? Защиту, помощь, месть?

Впрочем, Андрей мог тебя подослать специально. Чтобы твои красивые глаза и дрожащие губы сделали то, что не могут сделать его люди с оружием.

Стоп. Хватит.

Нужно срочно ехать к Марианне и Эльзе. Пускай эти развратные девчонки привычно и умело снимут мое напряжение. Как обычно, сработают профессионально, без вопросов, без сожалений.

Две одинаковых блондинки, которые точно знают, что делают, и никогда не спрашивают, как тебя зовут на самом деле.

Именно то, что нужно. Выключить голову. Переключиться. Забыть серо-голубые глаза и дрожащие губы. Сбросить напряжение и спокойно обдумать свои шаги. Сидеть и ждать, пока ко мне в логово заявится Андрей Черкизов, я не собираюсь. А вот сыграть с Диной в ее же игру – почему бы и нет?

Ставлю пустую чайную кружку на стол.

Разворачиваюсь к выходу.

И тут дверь на кухню открывается.

Дина.

В коротком шерстяном платице из пакетов с обновками, босиком, с мокрыми от беспокойного сна, глазами. Худая, маленькая, невыспавшаяся. Идёт к раковине с пустым стаканом.

Делаю шаг в сторону.

Она спотыкается и летит вперед, прямо на меня.

Ловлю. Рефлекс – мгновенный, непрощенный, абсолютно правильный. Одной рукой – за талию, другую подставляю так, чтоб она не упала в сторону. Прижимаю к себе крепко.

Дина замирает и не пытается вырваться, от волнения перестает дышать.

Да и я сам не дышу.

Её тело, маленькое, горячее, податливое крепко прижато к моему. Лицо так близко. Глазищи огромные, сонные, испуганные. Ротик чуть приоткрыт. Сердце громко колотится, словно пойманная зверушка.

Запах забивается в ноздри и сладко щекочет. Тёплый, нежный, невозможный. Дина краснеет. Мгновенно и густо. Краска заливает щёки, и на них проступают ямочки – две маленькие, глубокие, которые я раньше не замечал. От этого она становится совсем девочкой.

Беззащитной. Трепыхающейся.

Застывшей в моих руках, как птица, которая ещё не решила – вырываться или остаться.

Дина, неловко дернувшись в моих руках, больше не делает попыток вырваться.

Мой взгляд уплывает к ее губкам. Нижняя – припухшая, влажная, чуть приоткрытая. Знаю, что мне нужно отпустить Дину. Сейчас. Немедленно. До того, как...

Но я не отпускаю.

Снова звонок проклятого телефона, вибрирующего в кармане брюк. Номер незнаком. Первая мысль – сбросить, но доверяю интуиции и принимаю звонок.

– Слушаю, – зло чеканю в трубку.

Готов лично разорвать любого, кто сейчас встанет между мной и соблазнительной девочкой, замершей в моих руках.

– Марк, – раздается по ту сторону вкрадчивый голос, – у тебя есть то, что мне нужно. Чужое надо возвращать. Дина у тебя, отпираться нет смысла. Верни мне ее и я отзову своих людей.

Черкизов, собственной персоной?

Дина слышит этот разговор и мгновенно сжимается в маленький, беззащитный комок.

– Отзовешь? – задаю вопрос, скорее для того, чтоб выиграть время.

Отпускаю Дину и молча подаю ей знак отойти к стене, подальше от окна. Сам подхожу к дверному проему и щелкаю на панели домофона. Вывожу на экран камеры с улицы.

Прямо вплотную к моим воротам – кортеж из трех массивных внедорожников. И у дверей одного из них, во главе колонны вразвалку стоит Андрей Черкизов.

Смотрит прямо в камеру и нагло ухмыляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.